

А.В. Метелев

Ментальность в этимологической и категориальной системах

Слово «ментальность» (или «менталитет») сравнительно недавно используется в России в научном обороте и повседневной практике. Однако оно достаточно быстро стало модным и применяется при каждом удобном случае. Это, по-видимому, одна из причин того, что определенного и устойчивого содержания это понятие пока не имеет. Поэтому возникает необходимость раскрыть содержание термина «ментальность».

Один из самых распространенных способов уточнения значения того или иного слова – обращение к его этимологии. Однако такой подход по отношению к «ментальности» оказывается малопродуктивным.

Данное слово произошло от латинского *mens*, от которого в языке средневековой схоластики родилось в XIV в. прилагательное *mentalis*, что значит «умственный». Содержание этого понятия само по себе очень неопределенно и гораздо шире, чем современные трактовки «ментальности».

Обращение к более современным западноевропейским языкам – английскому, французскому и немецкому – также не дает сколько-нибудь значимых результатов. Существительное *mentality*, появившееся в английской философии XVII в., как и латинское *mentalis*, достаточно широко по содержанию, хотя имеет более конкретные значения. Оно определяется как «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов», «обобщение всех характеристик, отличающих ум», а также как «сумма мыслительных способностей, отличающихся от физических» [1, с. 477]. Ж. Ле Гофф отмечает, что в английском языке оно так и оставалось до последнего времени только философским термином, «в то время как во Франции (отчасти благодаря Вольтеру, пересадившему английские идеи на французскую почву) оно проникает в обиходный язык. Правда, к началу XX в. слово все еще воспринималось как неологизм, что, в частности, отражено в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». «...Ну и ментальность!» – говоря так, герои романа имеют в виду хаотичное и вместе с тем стереотипное сознание, нечто противоположное “мировоззрению”» [2, с. 42].

У. Раульф развивает эту мысль Ж. Ле Гоффа на основе анализа французской публицистики рубежа XIX–XX вв. Он считает, что смысловой заряд понятия «ментальность» образовался до начала его научной биографии, когда оно еще находилось в сфере обиходного языка. «То, что наука XX в.

обнаружила архаический пласт в сознании человека, явилось следствием внезапного социального проявления этого архаизма» [3, с. 45]. Речь идет о глубоком расколе французского общества, возникшем в результате борьбы за пересмотр приговора по делу офицера генерального штаба еврея А. Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. «Классовые и религиозные противоречия перестали ощущаться, их сменили новые, а вернее, древние «идеологические и аффективные комплексы»... Католики, высшее офицерство, большая часть средних слоев, низы общества объединились против «врагов отечества и веры» – интеллектуалов, социалистов, масонов, евреев, германофилов, вообще – «полуфранцузов»... Тут-то и заговорили о том, что немцы оккупировали не только французскую территорию, но и французскую «ментальность»... Ментальность понималась как ценное национальное достояние, как антитеза разъедающему нацию интеллектуализму. Одновременно начали употреблять слово «ментальность» и в отрицательном смысле, говорить о чуждых ментальностях, прежде всего о немецкой и об иудейской» [3, с. 45].

Следовательно, можно говорить о некотором смысловом оформлении «ментальности» в обиходном французском языке в конце XIX–начале XX в. Именно с этим содержанием понятие было затем введено в научный оборот. В обиходном же употреблении «ментальность» и сегодня понимается неоднозначно.

Французское *mentalite* (от него в русском языке – «ментальность») в переводе на русский язык означает: 1) «направленность мыслей», «умонастроение»; 2) «ум», «умственные способности», «интеллектуальный уровень», «склад ума», «мышление», «психика» и т.д. [4, с. 681], т.е. в итоге мы получаем понятия, как широкие по содержанию, так и самые разнообразные по значению.

Большую смысловую определенность имеет немецкое *mentalitat* (от него образовано русское – «менталитет»), оно переводится как «склад ума, образ мыслей» [5, с. 591]. Но и в этом случае необходимы значительные дополнительные уточнения для того, чтобы содержание этого понятия стало четче и яснее.

Таким образом, обращение к этимологии слова «ментальность» лишь в незначительной степени позволяет продвинуться на пути его определения. Проведенный выше краткий обзор дает возмож-

ность сделать следующий вывод. Чтобы содержательный анализ понятия ментальность принес сколько-нибудь значимые результаты, возможно, следует обратить преимущественное внимание на использование его в научном обороте и, прежде всего, во Франции с начала XX в. Ведь именно там на рубеже XIX–XX вв. сформировался смысловой заряд этого понятия в обыденном языке и в этом виде оно начало применяться в научных исследованиях.

Впервые термин «ментальность» был введен в научный оборот в этнологии в начале XX в. Л. Леви-Брюлем, и под ним понималось особое «пра-логическое мышление» дикарей. В психологии А. Валлон обозначал им сознание ребенка. Но общей психологией это понятие не было воспринято. Особенно активно оно стало применяться основателями «новой исторической науки» во Франции М. Блоком и Л. Февром. Они стали употреблять это понятие в более широком смысле: как коллективная психология, умонастроение, склад ума представителей различных социальных групп в рамках одной культуры. Правда, есть различия в трактовке ментальности уже у М. Блока и Л. Февра: «М. Блок понимал его как групповое коллективное сознание, а Л. Февр как преломление коллективного в индивидуальном» [6, с. 44]. В дальнейшем это понятие стало широко употребляемо, но толкование его было самым разнообразным. В связи с этим возникает проблема определения «ментальности».

Последователи М. Блока и Л. Февра (представители школы «Анналов») занимались преимущественно экономическими отношениями прошлого, материальной историей повседневности. Такая направленность в исследованиях обычно связывается с именем Ф. Броделя (с 1956 г. он возглавил журнал «Анналы»). Коллективной психологии, культуре, сфере воображаемого уделялось минимальное внимание. Ф. Ариес объясняет это «потрясающим ростом мировой, и в частности французской, экономики после Второй мировой войны... Молодые интеллектуалы были в то время очарованы социально-экономическими факторами, которые казались им движущими силами этого небывалого потрясения, и историки были соблазнены (и достаточно обоснованно) перенести в прошлое интересы их настоящего и искать там истоки (или замедленный рост) технического и экономического прогресса, который их увлекал. Факты ментальности им виделись второстепенными, раздутыми архаическими и ретроградными аспектами прошлого и, одновременно, трудно определяемыми, не научными, мало пригодными для какой-либо математической обработки» [7, р. 171–172]. А потому и само понятие «ментальность» на время ушло в тень.

К началу 60-х гг. относят возрождение интереса к человеку и его способам восприятия и мышления. Во главе «нового переворота» стояли Ж. Дюби, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф, А. Дюпрон и др. Тогда же «ментальность» становится понятием не только широкоупотребимым, но и ключевым для историков этого направления, а также для тех исследователей, которые выступали против обезчеловеченности и механической интерпретации истории.

В научном обороте прочно закрепилось наименование «история ментальностей», обозначающее не только круг интересов противников антигуманистического понимания истории, но и претендующее на звание новой исторической дисциплины. «Начиная с 60-х гг. залог «человечности» истории усматривается «новыми историками» в изучении ментальной сферы. Именно ментальность явилась тем «окуляр»ом», через который стали рассматривать историческую реальность антропологически ориентированные историки» [8, с. 7].

Поэтому среди определений ментальности зарубежных авторов наибольший интерес вызывают те, которые даются представителями школы «Анналов», а также исследователями, сочувствующими этому направлению. Прежде всего, заслуживают внимание дефиниции ментальности, относящиеся к периоду от начала 60-х гг. (возрождение «новой исторической науки») и до настоящего времени.

Вероятно, логичным будет начать с определений, которые предлагаются основателями истории ментальности, представителями «новой волны» (начало 60-х–начало 70-х) в школе «Анналов». Интересно и оригинально высказывается по поводу данной проблемы Ж. Ле Гофф в своей ставшей уже классической статье «Ментальности: двусмысленная история» (1974 г.). Он констатирует тот факт, что слово ментальность, несмотря на относительную новизну и модность, стало уже банальным и постоянно подвергается критике. «Какая реальность стоит за этим понятием?» – вот основной вопрос противников его использования. Ответ Ж. Ле Гоффа состоит в следующем: «...сильная сторона истории ментальностей заключается именно в том, в чем ее часто упрекают – в расплывчатости ее предмета, в ее попытках уловить упускаемый другими науками «осадок» исторического анализа, отыскать нечто, от него ускользающее. Такое «нечто» может перевесить гораздо более «вещественные факторы» [2, с. 40]. Наверное, с точкой зрения Ж. Ле Гоффа отчасти можно согласиться, хотя бы потому, что использование понятия «ментальность» уже оправдало себя при прояснении некоторых культурологических, социальных и, прежде всего, исторических проблем.

Кроме того, стоит отметить, что помимо ментальности в научном обороте и по сей день находится довольно много понятий с достаточно неопределенным содержанием и неясным предметом, например, такие как культура, сознание и т.д. Тем не менее пока мало кто сомневается в их необходимости.

Вместе с тем установка Ж. Ле Гоффа на то, что неопределенность ментальности представляет исследователям свободу в использовании этого понятия, представляется спорной. При разноречивой интерпретации ментальности возникает проблема адекватного понимания исследователями друг друга. Кроме того, наверное, все же нельзя отказываться от попыток добиться определенности данного понятия, найти для него «нишу» в языке. Иначе беспорядочное использование ментальности может привести к тому, что это слово действительно станет лишним и бессмысленным либо станет синонимом уже «определившегося» понятия.

Нечто подобное происходит у Ф. Ариеса в его статье «История ментальностей» (1978 г.), где он пишет о понятиях «ментальная структура» и «видение мира» как близких по значению.

По его мнению, ментальность – это «коллективное неосознанное», т.е. «коллективное: общее для всего общества в некоторый момент. Неосознанное: плохо или вовсе не замечаемое современниками, потому что соединяет в себе входящие в устойчивые основы их натуры, общепринятые взгляды или расхожие идеи, общие штампы, правила приличия и морали, приверженность установленным нормам и запретам, принятые выражения, обязательные или недопустимые чувства и воображаемые образы. Историки говорят о «ментальных структурах», о «видении мира», чтобы подчеркнуть связанные и необходимые элементы определенной психической тотальности, которая неосознанно принимается современниками» [7, р. 188].

В данном случае Ф. Ариес, пусть не достаточно четко, но довольно внятно определил ментальность как коллективное неосознанное, имеющее культурное происхождение. Однако следующее за тем отождествление «ментальной структуры» и «видения мира» вызывает недоумение, так как понятие «видение мира» предполагает не только неосознанные элементы, но и вполне сознательные.

Пожалуй, наиболее удачными и признанными среди исследователей ментальности являются определения, принадлежащие Г. Телленбаху. Одно из них более раннее и менее конкретизированное – из статьи «Менталитет» (1974 г.): ментальность – «...всеобщая установка или коллективный образ мыслей, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии

или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как само собой разумеющееся» (цит. по: [8, с. 93]).

Популярность этой дефиниции, возможно, объясняется тем, что здесь найдено равновесие между крайними позициями исследователей 60–70-х гг. С одной стороны – подкрепленная аргументами и авторитетом Ж. Ле Гоффа склонность к широкому и свободному толкованию ментальности, оставляющая данное понятие весьма неопределенным и многозначным. А с другой – попытки дать ему строгое и однозначное определение. Стоит отметить, что в данный период преобладающей и более распространенной является первая точка зрения.

Содержание другой, более поздней дефиниции Г. Телленбаха в статье «Ментальность» (1982 г.) отличается большей четкостью и, по-видимому, отражает растущее стремление историков ментальности 80–90-х гг. решить проблему ее определения. «Ментальность – это естественное, само собой разумеющееся, часто даже импульсивное поведение и реагирование; произвольный, мало подверженный воздействию сознания образ мышления. Это хорошо проявляется в идиомах, передаваемых из уст в уста пословицах, топосах, когда об их происхождении и точном значении не задумываются и когда они естественно, почти произвольно всплывают из подсознания» (цит. по: [9, с. 18]).

Данное определение, так же как и предыдущее, часто используется и цитируется авторами. Характеризуя отношение к проблеме определения ментальности в европейских научных кругах в 80–90-е гг., стоит отметить, что здесь продолжается противоборство между существовавшими с 60-х гг. тенденциями. Но теперь доминирует мнение, согласно которому необходимо ограничить сферу применения этого понятия и конкретизировать его содержание. Вместе с тем, скорее всего, как реакция на сохраняющуюся разноречивость дефиниций все более настойчивыми становятся предложения отказаться от использования ментальности, заменить ее более привычными словами с устойчивыми значениями. Причем сторонники такой точки зрения признают, что прежде применение ментальности было довольно продуктивным.

Подобную позицию занимает О.Г. Оксле, который отказывается от использования слова «ментальность», ссылаясь на «его неопределенность и нечеткость, применение где угодно и как попало» [9, с. 83]. Он считает, что при исследовании объясняющих схем общественного устройства и социальных метафор лучше употреблять термин «знание», так как он «имеет более четкий смысл и к тому же охватывает не только повседневное со-

знание, но и «теоретическое», научное знание теологов, философов и т.д.» [9, с. 83]. Отчасти можно согласиться с О.Г. Оксле в отношении неприменимости понятия ментальность для рассмотрения объясняющих схем и социальных метафор, так как они носят сознательный характер. Хотя не исключено, что и в данном случае может быть обнаружен ментальный подтекст. Однако симптоматичным выглядит не столько решение автора, сколько его обоснование. Такая аргументация ставит под сомнение правоту сторонников широкой интерпретации ментальности.

Однако, несмотря на усиливающуюся критику, эта тенденция по-прежнему существует. При этом ее представители не только повторяют доводы Ж. Ле Гоффа, но и опираются на авторитет М. Блока и Л. Февра – первых «анналистов» и исследователей ментальности.

Так, например, Ю. Митке в работе «Политическая теория и «менталитет» нищенствующих орден» (1987 г.) высказывает мнение, что «...научные понятия должны обладать известной широтой, чтобы исследователь мог пользоваться в их рамках некоторой свободой дифференциации и уточнения – иначе возможность их применения будет слишком ограниченной». В качестве положительной стороны неопределенности понятия «менталитет» автор отмечает то, что оно «...позволяет хотя бы «номенклатурно», классификационно объединить постановки вопросов, бытующие в истории культуры, народоведении, истории мировоззрений, истории теорий, в одну перспективу, в одно новое «измерение» исторического исследования» [10, с. 86].

Сам Ю. Митке полагает, что «менталитет – это «самопонимание групп», о нем можно говорить только при исследовании группового поведения... Проявляется же этот групповой менталитет не в заметных поступках и индивидуально окрашенных представлениях, а в повседневном, полуавтоматическом поведении и мышлении. Речь идет о чем-то предшествующем личному сознанию. Таким образом, объектом изучения является тот общий «фон», на котором выступает индивидуальное» [10, с. 86].

Поддерживая и обосновывая широкое толкование ментальности, Ю. Митке, соответственно, и сам вольно трактует ее. Интерпретируя это понятие как «самопонимание групп», он в результате включает в его содержание не только неосознаваемые элементы, но также и то, что в принципе может быть подвергнуто рефлексии.

Но, пожалуй, наиболее «свободно» определяет ментальность П. Динцельбахер в статье «К теории и практике истории ментальности» (1993 г.). «Историческая ментальность – это сочетание спо-

собов и содержаний мышления и восприятия, которое является определяющим для данного коллектива в данное время. Ментальность выражается в действиях» [11, с. 98]. Дополняя это определение, автор объясняет, что он понимает под «содержанием мышления и восприятия». Это «общезначимые для данной культуры базовые убеждения: идеологические, политические, религиозные, этические, эстетические и прочие концепции, которыми пронизаны религии культуры и искусства в той мере, в какой они осознаваемы. Они могут быть вербализованы (хотя бы потенциально, абстрактно, как, например, представления, воплощенные в образах, метафорах, аллегориях) и являются предметом дискурсивной рефлексии» [11, с. 98]. Что же касается субъектов ментальности, то к таковым П. Динцельбахер причисляет не только любые группы людей (население континента, религиозная секта, половозрастные группы), но и индивидуумов.

Стоит отметить, что такое толкование ментальности является предельно оригинальным, так как автор ставит под сомнение как раз те ее характеристики, которые в основном признаются европейскими историками. Это, во-первых, то, что в рамках данного понятия мыслится сфера неосознаваемого и нерелеферируемого, и, во-вторых, то, что о ментальности можно говорить только применительно к социальной группе. В результате П. Динцельбахер отождествляет ментальность с термином «социальная психология». Эти слова становятся у него синонимами. С большой долей уверенности можно утверждать, что ознакомление с подобными дефинициями является одной из причин сомнения в необходимости и ценности понятия «ментальность».

Однако, несмотря на то, что в последнее время понятие «ментальность» уже не так популярно, как прежде, в 80–90-е гг. усиливается стремление исследователей уточнить его содержание. Именно потому, что мода на слово ментальность проходит и гораздо реже встречаются случаи его неадекватного применения, существует реальная возможность найти для него более строгие дефиниции. В этом случае данное понятие может стать действенным инструментом научного познания.

Один из сторонников конкретизации «ментальности» Ф. Граус достаточно основательно подошел к решению этой проблемы в статье «Ментальность»: опыт определения понятия и методов исследования» (1987 г.). Правда, он сразу оговаривает то, что дать строгое определение ментальности очень трудно, но ее можно описать. Ф. Граус формулирует следующее довольно объемное и подробное «описательное определение»: «менталитет – это «общий тонус» долговременных форм

поведения и мнений индивидуумов в пределах групп. Менталитет никогда не монолитен, часто противоречив; он образует специфические «вживленные образцы», стереотипы мнений и действий. Он проявляется в предрасположенности индивидуума к определенным типам реакций – собственно он является их механизмом.

Менталитет отличается от «мнений», «учений», «идеологий» тем, что своим носителем он никогда не может быть от-refлектирован и сформулирован. Вопрос «Каков ваш менталитет?» лишен смысла. Менталитет может быть только «тестирован» извне, «отслежен» нами там, где мы видим что-то, не похожее на нас самих.

Менталитет не тождественен высказываемым мыслям и видимым образам действия. Менталитет стоит за ними и определяет границу между тем, что человек вообще может помыслить и допустить, и тем, что он ощущает как «немыслимое», «невозможное».

Менталитет изменяется со временем, причем различные мнения и образцы поведения обнаруживают неодинаковую жизнестойкость... менталитет – это всегда система, элементы которой различаются по возрасту, происхождению, интенсивности» [10, с. 80].

Предложенное Ф. Граусом «описание», похоже, лучшее на сегодняшний день. Здесь отмечены все основные признанные черты ментальности, с ним, как и с дефиницией Г. Телленбаха, согласны многие исследователи. В данном случае ментальность не подменяется другими близкими к ней понятиями и имеет собственное особенное содержание, к тому же достаточно конкретизированное. Однако определение Ф. Грауса имеет, по крайней мере, один существенный недостаток – оно слишком громоздкое, и потому его использование затруднено.

Некоторые предложения сторонников узкого толкования ментальности весьма неожиданны и нетрадиционны, но тем не менее заслуживают внимания.

Так, А. Буро в работе «Предложения к ограниченной истории ментальностей» (1989 г.), активно критикуя современную психологическую версию ментальной истории, указывает, в частности, на чрезмерную широту и неопределенность ее исследовательского поля, а также на тенденцию к субстанциализации ментальностей. Он предлагает не только пересмотреть задачи и сферу данной дисциплины, но и довольно оригинально понимает само понятие «ментальность». При этом автор, как он сам признает, развивает некоторые идеи М. Фуко, используя соответствующую терминологию (например, «дискурс», «высказывание»).

А. Буро считает, что ментальное следует вывести из сферы языка и речевой практики. А

предлагаемая им «ограниченная история ментальностей может претендовать на описание определенного рода грамматики согласия (а не верования или причастности; речь идет о простом распознавании определенной манеры говорить)...» [12, р. 1497]. Иными словами, такая история ментальности должна будет обнаруживать, отмечать и описывать высказывания, образующие подоснову различных дискурсов. Не определяя непосредственно ментальность, он тем не менее тесно увязывает ее с категорией «коллективное», которую трактует как «...то, что ограничивает возможности действий и решений, что конструирует определенную манеру говорить на стадии, следующей за социальным формированием текстуральных, иконических и ритуальных репрезентаций, представлений и ориентиров, предшествующих высказываемым антагонистическим идиомам или дискурсам индивидов или групп» [12, р. 1496].

А. Буро действительно ограничивает содержание ментальности, но отнюдь не в рамках традиционного психологического подхода, который с его точки зрения уже не популярен. Он предлагает не только принципиально иной аспект рассмотрения этого феномена, но и другое понимание ментальности – лингвистическое. Поэтому к его интерпретации малоприменимы понятия сознательного и неосознаваемого. Сама по себе попытка выхода на взаимосвязь истории и лингвистики, конечно, заслуживает внимания и может быть весьма продуктивной в качестве одного из способов исследования. Однако версия А. Буро предполагает придание ментальности нового значения, в прежнем же смысле она для его концепции, по-видимому, не нужна. В связи с этим возникает вопрос: может быть, в данном случае проще и логичнее использовать или ввести другое понятие? Вероятно, такой вопрос для себя ставил и сам А. Буро, и потому, используя ментальность, он прямо не определяет ее, а фактически заменяет понятием «коллективное высказывание», которое, видимо, и призвано играть ведущую роль в его «ограниченной истории ментальностей» (вот только «ментальности» ли?).

Таким образом, проведенный европейскими учеными анализ применения понятия «ментальность» позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на использование этого понятия в работах некоторых исследователей с начала XX в., в широкий научный оборот оно было введено с начала 60-х гг. историками ментальностей и трактовалось достаточно широко (в настоящее время подобная ситуация сложилась и в России). Однако с начала 80-х гг. в европейской науке усиливается позиция, согласно которой необходимо ограничить содержание ментальности и дать ей более четкое определение, чтобы сделать это понятие действенным инструментом научного познания. В против-

ном случае ментальность может стать пустым и ненужным словом либо будет синонимом одного из определившихся понятий.

С этой точки зрения наиболее приемлемыми из рассмотренных дефиниций, по-видимому, являются определения Ф. Грауса и Г. Телленбаха.

Литература

1. Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск, 1998.
2. Михина Е.М. Ж. Ле Гофф. Ментальности: двусмысленная история / *Mentalitatengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse.* / W/Berlin, 1987: Реферат // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
3. Михина Е.М. У. Раульф. Рождение понятия. Разговоры о «ментальности» во времена дела Дрейфуса / *Mentalitatengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse.* / W/Berlin, 1987: Реферат // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
4. Новый французско-русский словарь. М., 1997.
5. Немецко-русский (основной) словарь. М., 1993.
6. Михина Е.М. А. Бюргер. Понятие ментальности у Блока и Февра: две точки зрения, два пути / *Mentalitatengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse.* / W/Berlin, 1987: Реферат // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
7. Aries E. L histoire des mentalites // *La Nouvelle histoire.* Paris, 1978.
8. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
9. Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН. М., 1990.
10. Левинсон К.А. *Mentalitaten im metodische und inhaltliche Problem.* Sigmaringen. 1987: Реферат // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1990.
11. Левинсон К.А. *Europaische Mentalitatsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen.* Stuttgart, 1993: Реферат // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1990.
12. Boureau A. Propositions pour une histoire restraite des mentalites // *Annales ESC.* 1989. №6.